

DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89

С.Д. Бодрунов

Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (г. Санкт-Петербург, Россия)

Н.Д. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ТРУД» В ТЕОРИИ НООНОМИКИ¹

Аннотация: Мировая социально-экономическая динамика входит в длительный **ноопереход**, понимаемый нами как движение от **Нового индустриального общества** через **НИО.2** к **ноономике**, опирающееся на становление **интегрального мирохозяйственного уклада** и на рост доли **знания** в общественном продукте. При таком сдвиге знание перестает быть добавлением к технике и становится внутренним принципом организации производства. Рост **знаниеинтенсивности** меняет структуру выпуска и архитектуру занятости. Политэкономическая категория «**труд**» в данных условиях претерпевает **ароморфоз** как прогрессивное эволюционное усложнение организации и функций. Рутинные процедуры переходят к автономным **техносистемам**, а человеческое участие смещается к **проектно-созидательным** и **творческим** функциям, связанным с встраиванием знания в продукт и производственный процесс.

Автоматизация и **дистанционная кооперация** усиливают мобильность компетенций и ослабляют территориальную привязку занятости, формируя **трудоую миграцию нового типа**. Возникает **феномен двойной миграции**. **Пространственная модальность** проявляется как перемещение кадров из зон недоиспользования навыков в узлы повышенного спроса и научно-производственной концентрации. **Функциональная модальность** отражает переход от **репродуктивной занятости** к **знаниеемким** и **творческим** видам деятельности, включая **проектные форматы** и **распределенные команды**. Параллельно фиксируется сдвиг мотиваций к творческой самореализации и расширению зоны свободы при сохранении необходимости воспроизводства дохода.

Индикатором тенденции развития категории «**труд**» выступает совместная динамика двух модальностей миграции, когда ускорение функциональных переходов сочетается с концентрацией пространственных потоков в «**точках кристаллизации**», где сочетаются высокий уровень **риднесс-готовности** среды (способность воспринимать новые формы труда) и потенциал **пенетрации технологий** при институциональной восприимчивости к их распространению в существующей структуре.

Миграционные сигналы рассматриваются в связке с **квадригой ноономики** – **научно-техническим прогрессом**, **диффузией собственности**, **социализацией** и **солидаризмом**. На этой основе формируется **ноокритериальная оценка** мотиваций труда и фиксируется смещение ценностей к творчеству и общественному соучастию.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на XV ежегодной конференции по политической экономии Международной инициативы по продвижению политической экономии (IPPE) (г. Анкара (Турция), 17–20 сентября 2025 г.)

Ключевые слова: ноопереход, НИО.2, ноономика, знаниеинтенсивность, знаниеемкость, ароморфоз труда, репродуктивный труд, функциональная миграция, пространственная миграция, точки кристаллизации, риднесс-готовность, пенетрация технологий.

Для цитирования: Бодрунов С.Д., Дмитриев Н.Д. (2025). Трудовая миграция как индикатор тенденции развития политэкономической категории «труд» в теории ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 4, № 4. С. 67–89. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) (Saint Petersburg, Russia)

Nikolay D. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

LABOR MIGRATION AS AN INDICATOR OF THE DEVELOPMENT TREND OF THE POLITICAL ECONOMY CATEGORY OF “LABOR” IN THE THEORY OF NOONOMY

Abstract: Global socioeconomic dynamics is entering a prolonged **nootransition**, understood as a movement from the **New Industrial Society** through **NIS.2** toward **noonomy**, grounded in the emergence of an **integral world economic order** and in the rising share of **knowledge** in the social product. Under this shift, knowledge ceases to be an add-on to technology and becomes an internal organizing principle of production. Growth in *knowledge intensity* reshapes output structure and the architecture of employment.

The political economy category of “**labor**” undergoes an *aromorphosis* as a progressive evolutionary complication of its organization and functions. Routine procedures move to autonomous **technosystems**, while human participation shifts toward *project generative* and *creative* functions linked to embedding knowledge into the product and the production process.

Automation and *remote cooperation* increase the mobility of competencies and weaken territorial anchoring of employment, forming a **new type of labor migration**. A **dual migration phenomenon** emerges. The *spatial modality* appears as the relocation of workers from zones of skill underutilization to nodes of heightened demand and research, and production concentration. The *functional modality* reflects a transition from *reproductive employment* to *knowledge-intensive* and *creative* activities, including *project formats* and *distributed teams*. In parallel, motivations shift toward creative self realization and an expanded zone of freedom while the need to reproduce income remains.

An indicator of the development tendency of the category “**labor**” is the joint dynamics of the two migration modalities, where acceleration of functional transitions combines with the concentration of spatial flows in certain “**points of crystallization**”. These points combine a high level of *readiness* of the environment (the ability to absorb new forms of labor) and the potential for *technology penetration* under institutional receptivity to their diffusion within the existing structure.

Migration signals are considered in conjunction with the **quadriga of noonomy**. It comprises *scientific and technological progress*, *diffusion of property*, *socialization*, and *solidarism*. On this basis, a

noocriterial assessment of labor motivations is formed, and a shift of values toward creativity and public participation is recorded.

Keywords: nootransition, NIS.2, noonomy, knowledge intensity, knowledge capacity, aromorphosis of labor, reproductive labor, functional migration, spatial migration, points of crystallization, environmental readiness, technology penetration.

For citation: Bodrunov S.D., Dmitriev N.D. (2026). Labor Migration as an Indicator of the Development Trend of the Political Economy Category of “Labor” in the Theory of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 4, No. 4, pp. 67–89. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89

博德鲁诺夫 S. D.

维捷新兴工业发展研究所 (俄罗斯, 圣彼得堡)

德米特里耶夫 N. D.

圣彼得堡彼得大帝理工大学 (俄罗斯, 圣彼得堡)

在智慧经济理论中劳动力迁移是政治经济学范畴“劳动”的发展趋势指示器

摘要: 全球社会经济发展正在经历长期的智慧型转型, 我们将其视为从新型工业社会到新型工业社会2.0再到智慧经济的演进, 其基础是全球经济体系的整合以及社会产品中知识所占比例的提升。在这次转型中知识成为生产组织的内在原则, 不再是技术的附属物。知识密集度的提升正在改变产出结构和就业结构。

在这种条件下, 政治经济学的“劳动”范畴正在发生形态变化, 表现为其组织和功能的渐进式复杂化。以往的常规流程转变为自动技术系统, 而人的参与则表现为将知识融入产品和服务的项目设计和功能创新。

自动化和远程协作增强技能的流动性, 减少就业的地域限制, 从而形成了一种新型劳动力迁移。由此产生了双重迁移现象。空间模态表现为人才从技能未充分利用的区域向需求旺盛、科研生产集中的节点流动。功能模态反映了从再生产性就业向知识密集型和创造型活动的转变, 包括项目方式和分布式团队。与此同时, 人们在保持必要的收入再生产的前提下, 将动机转向创造型自我实现和自由空间的拓展。

“劳动”范畴的发展趋势指示器是两种迁移模态的共同运动: 功能转变加速与空间上流向“结晶点”汇集二者相结合, 这些区域的现有体制具备接纳技术扩散的包容性, 兼具较高的环境适应度 (接受新型劳动形式的的能力) 与技术渗透能力。

迁移信号与智慧经济的“四驾马车”, 即科学技术进步、财产扩散、社会化及团结主义, 相互联系。在此基础上形成对劳动动机评价的智慧型标准, 并表现为向创造性劳动和社会共同参与的价值转变。

关键词: 智慧型转型、NIS.2、知识经济、知识密集度、知识容量、劳动形态转变、再生产劳动、功能性迁移、空间迁移、结晶点、归属感准备度、技术渗透。

引用注释: 博德鲁诺夫 S. D.、德米特里耶夫 N. D. (2025) 在智慧经济理论中劳动力迁移是政治经济学范畴“劳动”的发展趋势指示器//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 4, No. 4, pp. 67–89. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-4-67-89

Введение

Траектория **нооперехода** в теории ноономики раскрывается как движение от описанного Дж.К. Гэлбрейтом Нового индустриального общества (НИО) к предложенному нами его «развитию» – **НИО.2**, и далее – к **ноономике**. На стадии НИО.2 **знание** закрепляется как *преобладающий ресурс производства*. Возникает материально-технологическая база качественного скачка, связанного с переходом от шестого к предложенному нами в сотрудничестве с С.Ю. Глазьевым [Бодрунов, 2024; 2025а] седьмому технологическому укладу и со становлением **Интегрального мирохозяйственного уклада** (по С.Ю. Глазьеву) [Глазьев, 2022; Бодрунов, Глазьев, 2023]. Темп преобразований задает закономерность «**ускорения ускорения**». Производственная **техносфера** приобретает черты *относительной автономности*. Участие человека смещается из зоны непосредственных операций к целеполаганию, творческому проектированию и контролю.

Термин **ноономика** введен автором статьи в научный оборот [Бодрунов, 2018] как попытка концептуально «схватить» качественные параметры постэкономической реальности. В ней общественные отношения складываются вокруг *ноопроизводства* как производства, разворачивающегося без прямого участия человека и управляемого разумом (**νοῦς**). В генезисе этой категории прослеживается преемственность отечественной научно-философской традиции, связывающей прогресс производительных сил с ноосферной перспективой, заданной В.И. Вернадским [Вернадский, 1989].

Интенсивные дискуссии последнего десятилетия, закрепив присутствие теории **ноономики** в академическом поле, одновременно обнажили двойственность текущего переходного периода: наращиваемый технологический потенциал создает, с одной стороны, беспрецедентные возможности для расширения пространства **человеческого творчества**, но с другой стороны, *нарастание глобальной турбулентности* и *аккумуляция технологических рисков* многократно повышают цену возможных ошибок. Возврат индустриальной повестки и конкуренция за квалифицированный персонал формируют парадоксальное напряжение между образом безлюдного производства – той технологической перспективой, что заложена в **НИО.2** – и реальностью острого дефицита человеческого присутствия, в которой *субъект труда* вновь – в новом качестве – оказывается в эпицентре производственной динамики [Плетнёв, 2024]. Практический вопрос о траектории занятости в краткосрочном (но не долгосрочном!) горизонте пяти–десяти лет сохраняет неопределенность, и ответ на него определяется не технологическими возможностями как таковыми, но общественными механизмами распоряжения этими возможностями.

Переходный период демонстрирует признаки **мультифакторного кризиса** позднекапиталистического развития, где обнаруживается *диффузия потребления*, ориентированная на **воспроизводство симулятивных потребностей** – тех форм желаний, которые не укоренены в рациональных витальных нуждах, но искусственно поддерживаются рыночными механизмами неолиберальной модели экономики ради непрерывного поддержания капиталистической циркуляции.

В научной литературе предложено рассматривать культуру как «двойного агента» – амбивалентную силу, один полюс которой связан с алгоритмически управляемым конструированием потребностей, тогда как другой полюс связан с зарождением *ноопрактик*, ориентированных на солидарность и мягкий коллективизм [Стасев и др., 2025; Гречко, Плешивцева, 2025]. В заявленной исследовательской постановке рассматривается **взаи-**

МОСВЯЗЬ культурного фактора и перестройки потребностей при движении к постэкономической формации.

Для теории **ноономики** культура приобретает статус носителя *ноокритериальной ориентации*, поскольку именно культурная среда задает границы («предел» по Аристотелю) легитимного потребления и формирует **горизонт ноопотребностей** как потребностей, определяемых критериями разума.

Знание в заданной траектории перестает быть «внешним дополнением к технике» и становится внутренним принципом организации производства и воспроизводственных отношений. Оно *встраивается в саму структуру функционирования техносферы*. Возникает **критический синтез** двух взаимосвязанных процессов: *первый* процесс связан с ростом *знаниеинтенсивности* технологий материального производства; *второй* – с повышением *знаниеемкости* создаваемого продукта. Их взаимное усиление ведет к вытеснению *репродуктивных* операций и к расширению *ментальных* и *творческих* стадий производственного процесса. *Перестраивается структура труда* – движение от исполнения заданных алгоритмов к формированию смыслового замысла, от рутинного воспроизводства к проектному творчеству, от технической исполнительности к управлению целями и итоговыми хозяйственными результатами.

В исследовательском поле теории **ноономики** усиливается критика *трактовки человека как «актива»*, оцениваемого через доходность вложений. Критикуемая теорией ноономики концепция «человеческого капитала» описывает рыночную проекцию способностей, тем самым сужая предмет анализа, поскольку развитие личности подменяется задачей «монетизации способностей и навыков». В результате приоритеты общественного прогресса (как и критерии рациональности, нормы поведения, общесоциальные императивы) смещаются к оптимизации показателей окупаемости, а социогуманитарная сфера (образование, наука, здоровье и т.п.) включается в режим товарного обращения.

Теория ноономики предлагает рассматривать иную постановку. Продвижение к новому обществу и **ноономике** соотносится с переходом от рыночноцентричной организации отношений к человекоцентричной, где первостепенное значение получает декоммерциализация и социализация образования, здравоохранения, науки и культуры в широком смысле слова [Яковлева, 2024]. Такая перспектива переводит внимание от «стоимости человеческого капитала» к условиям *воспроизводства человеческого потенциала* как общественного результата.

Здесь уместна ремарка.

В классической индустриальной парадигме «труд» традиционно определялся как действие, подчиненное необходимости (нужде). В системе координат *ННО.2* идущая **автономизация производства** (в рамках которой управление смещается от прямого вмешательства к метауровню) меняет саму «сцену», на которой разворачивается труд. Позиция человека претерпевает фундаментальное смещение: из состояния непосредственной включенности в операциональную ткань процесса, где он выступает как исполнитель заданных алгоритмов, индивид перемещается в позицию «рядом с производством, над производством», выступая уже не в качестве «придатка машины», а как носитель знания, проектировщик технологических решений и регулировщик процесса, что соответствует знаменитой формуле К. Маркса о том, что «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [Marx, 1857–1858/1973; Бодрунов, 2016].

Ароморфоз труда [Бодрунов, 2025b] описывает усложнение его организации и функций. Стандартизированные рутинные процедуры, допускающие формализацию и автоматизацию, последовательно *отчуждаются в пользу техносферы*. Одновременно расширяются *творческие и ментальные* стадии производства, через которые *знание* имплементируется в продукт и в производственный процесс, определяя новое качество труда.

Предлагается рассматривать эту тему с особых позиций – как **показателя трансформации категории «труд»** в теории ноономики. Миграционные потоки выступают, с одной стороны, следствием социально-экономических изменений. Но, с другой, – и индикатором продвижения **нооперехода**, отражающим изменения в сфере труда.

Миграция в такой постановке выходит за пределы демографического «перемещения людей». Центральным становится **трудовая миграция** как подвижность функций и подвижность пространства. Выделяются две модальности:

- *Пространственная модальность* концентрирует потоки в «**точках кристаллизации**». Там выше уровень *риджесс-готовности* среды и выше потенциал *пенетрации технологий* при институциональной восприимчивости к их распространению.

- *Функциональная модальность* выражает переход от *репродуктивной занятости* к *знанием и творческим* видам деятельности. *Проектные форматы* и *распределенные команды* усиливают динамику переходов.

Совместная динамика модальностей задает наблюдаемый сигнал углубления *ароморфоза труда* и продвижения по траектории **НИО.2**.

Дальнейшее изложение выстраивает причинно-следственную линию от *ноотенденций* развития производственной **техносферы** к миграционным сигналам, затем к выводам о том, в какой мере *трудовая миграция* может служить индикатором трансформации политэкономической категории «**труд**».

Ноопереход: точка бифуркации и многофакторный кризис

Современное «экономическое общество» переживает **многофакторный кризис развития**. Нарастают не только экономические, но и социально-институциональные, технико-технологические, ресурсно-экологические и духовно-ценностные противоречия. Их кумуляция приближает мировую цивилизационную систему к *точке бифуркации*, в которой траектория дальнейшей эволюции становится неопределенной и разветвляющейся. В такой постановке *точка бифуркации* трактуется как особое критическое состояние системы, возникающее в момент, когда множество разнонаправленных факторов достигают предельной напряженности и сходятся в одной точке. При таком режиме даже слабое возмущение способно вызвать крупномасштабные изменения параметров системы, радикально изменяя направление ее дальнейшего движения [Бодрунов, 2025с].

Мир входит в новую эпоху. Ее исход допускает два предельных сценария: один связан с катастрофическим разрывом воспроизводственного и ценностного базиса цивилизации, другой – с катарсисом, то есть с переходом к качественно новому порядку существования, основу которого составят **ноономика** и *нооценности*. Переходный период, связанный с формированием **НИО.2**, в научной трактовке обозначается как **ноопереход** [Квинт, Бодрунов, 2024]. Безусловно, в создавшихся условиях требуется **управляемый** и осознанный ноопереход к новому типу общественного устройства. Он должен выходить за пределы

хремастической логики «рост ради роста» и увязывать реальные (а не симулятивные!) потребности с реальными возможностями их удовлетворения.

Именно такой базис задает **теория ноономики**.

В табл. 1 представлена «панорама» эволюции человеческого общества – от индустриальной эпохи с ее материально-сырьевой детерминацией через технологическое НИО и знаниеориентированное НИО.2 к постэкономическому горизонту ноономики. Такая систематизация улавливает драматургию трансформации, где изменяются не просто параметры производственной системы, но сама природа человеческой деятельности – ее мотивы, смыслы, способы присвоения благ и тип рациональности, управляющий поведением индивидов и сообществ. Перед нами разворачивается *траектория движения от репродуктивного труда, подчиненного внешней необходимости, к творчеству как к внутренней потребности личности.*

Таблица 1

Сопоставление категорий экономического общества, НИО, НИО.2 и ноономики

Категория	Доминирующий ресурс	Знаниеемкость производства	Мотивация труда	Форма собственности	Тип рациональности
Экономическое общество (индустриальное)	Материально-сырьевой	Низкая	Экономическая, репродуктивная	Частная	Рыночная
НИО	Технологический	Средняя	Экономическая, технологическая	Частная и корпоративная	Рыночная, технократическая
НИО.2	Знание	Высокая	Экономико-креативная, саморазвитие	Диффузная (шеринговая)	Ноо-ориентированная, солидаристская
Ноономика	Ментальные объекты (творчество)	Максимальная	Личностное развитие, творчество	Ассоциативно-шеринговая	Ноорациональность

Траектория нооперехода: от репродуктивного труда к творчеству

Начнем с рассмотрения вопроса глобальной *планетарной трансформации*.

На базе технологических и экономических трансформаций происходит изменение и общественных форм жизнедеятельности. Меняются ценности, поведенческие нарративы сообществ и индивидов. Одним из эмпирически наблюдаемых проявлений выступает эволюция политэкономической категории «**труд**», где движение идет от *репродуктивного труда* к *знаниеемким и творческим* формам занятости.

Сдвиги наиболее отчетливо проявляются в социальной сфере, прежде всего в образовании. Анализ *позднекапиталистических трансформаций* показывает, что коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация и финансиализация образовательной системы связаны с ее маркетизацией. Параллельно трансформируется роль государства в регулировании социальной сферы и в сопряжении образования с рынком труда. Возрастает потребность в перенастройке взаимодействия между образовательной системой и рынком труда, при которой государство действует как активный участник обеих сфер [Яковлева, 2020]. В работах, развивающих понятийный аппарат **ноономики**, *творческий потенциал* населения рассматривается как один из факторов перехода к новым общественным (а не только экономическим!)

реалиям. Региональный мониторинг качества трудового потенциала указывает на наличие резерва роста творческой активности, динамика которого определяется спросом на высокопроизводительные рабочие места и внутренними мотивациями работников. В таких условиях возрастает значимость образовательной политики, ориентированной на приоритетное воспроизводство творческого потенциала [Бодрунов, Шабунова, Бабич, Леонидова, 2025].

Дж.К. Гэлбрейт зафиксировал становление во 2-ой половине XX-го века *Нового индустриального общества (НИО)* и возрастающую роль *техноструктуры* [Galbraith, 1967]. Развитие этой линии в российской научной традиции [Бодрунов, 2017, С. 27–71] конкретизирует механизмы и следствия гэлбрейтовской диагностики. Изменение структуры экономической системы ведет к *перестройке общественного устройства* и институциональных форм, через которые воспроизводится «**труд**» и формируются его мотивации [Бодрунов, 2017]. Данный теоретический шаг задает основу для перехода к **НИО.2**, где доминирование **знания** в производстве и управлении усиливает смещение от *операционального исполнения* к проектированию, координации и *творческим* видам деятельности.

Траектория **нооперехода** описывается как последовательность стадий «*экономического общества*» – от ранних этапов становления экономики через различные формы экономических отношений и, в XX веке, через стадию Нового индустриального общества (*НИО*) Гэлбрейта, и, сейчас, через его вторую генерацию (*НИО.2*), к состоянию, в котором способы удовлетворения потребностей выходят за *пределы собственно экономического механизма*.

Влияние научно-технического прогресса, индустрии, технологий и *техноструктуры* на развитие общества отмечено многими исследователями – от А. Смита и К. Маркса до К. Фримена, Й. Шумпетера и Дж. Гэлбрейта. Существенный вклад внесен в трудах российских академиков С.Ю. Глазьева и Д.С. Львова. Исследования технологических укладов, особенно – техуклада пятого-шестого, и формирования *Интегрального мирохозяйственного уклада* продолжены в совместных работах С.Ю. Глазьева и С.Д. Бодрунова [Бодрунов, Глазьев, 2023]. Предложенный С.Д. Бодруновым концепт **НИО.2** задает *критический рубеж*, на котором **знание впервые** становится *доминирующим ресурсом общественного производства*.

График на рис. 1, обсуждавшийся на сессии Отделения общественных наук РАН и получивший наименование «**Крест Бодрунова**» [Гринберг, 2016], иллюстрирует тенденцию приоритетного развития *знаниеемкого производства*, где пересекаются две кривые: одна характеризует снижение доли и роли *материальных факторов*, другая – возрастание роли **знания** как ресурса и фактора экономического развития. Условное пересечение пучка кривых символизирует период перехода, в котором **знание** становится ведущим ресурсом и задает начало **нооперехода**.

На стыке **VI-го и VII-го технологических укладов** закладываются предпосылки дальнейших траекторных точек **нооперехода** к **ноономике** и формированию *ноообщества*. Процесс этот противоречив и длителен. Но, что еще важнее, столкновение отживающих форм экономических отношений с новыми – *объективными* – тенденциями общественного производства и развития общества – весьма *конфликтно*. Более того, с учетом возросшей мощи современных технологий – чревато губительными последствиями.

Однако при *целенаправленной и управляемой* политике, согласованных действиях эти риски можно существенно сократить.

Именно здесь начинается качественное «**поднятие на новый уровень формы**» общественного устройства.

В ходе смены технологических укладов от V-го к VI-му, к VII-му и далее преобразование материальных потоков постепенно передается от человека **автономным техносистемам**.

И здесь мы подходим к анализу базовой категории, которая, с одной стороны, обеспечивает процесс трансформации, с другой – ее изменения становятся зримым индикатором самой трансформации.

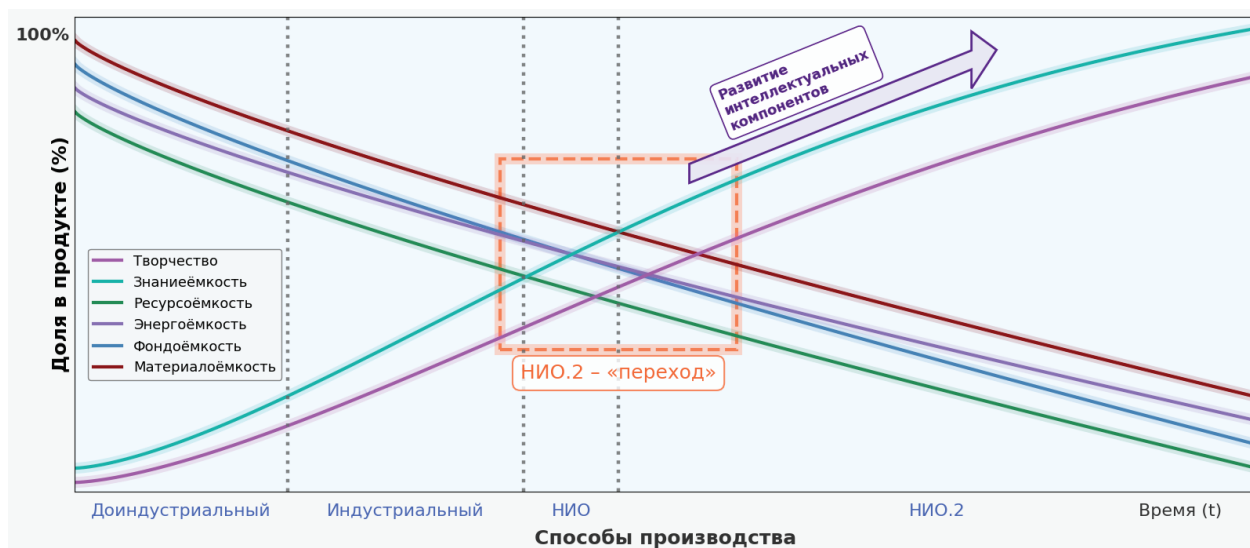

Рис. 1. Процесс исторического изменения соотношения различных компонент продукта производства

В результате развертывания **нооперехода** преобразование материальных процессов постепенно уходит в автономную **техносферу**, а в человеческой деятельности на первый план выходят **знаниеемкие** и **творческие** функции, через которые формируется замысел, координация и контроль, то есть меняется внутреннее *содержание* политэкономической категории **«труд»**, вследствие чего социальные институты воспроизводства компетенций начинают работать как система отбора и «выращивания» способности к творческому действию, а напряжение между устаревающими режимами занятости и новыми запросами экономики проявляется в реальных траекториях жизни людей и трансформации профессий.

С этого момента трудовая миграция рассматривается как наблюдаемый индикатор направления и глубины трансформации **«труда»**, поскольку она показывает, где возникают «узлы притяжения» новых функций и где происходит отток из сфер *репродуктивной занятости*, что позволяет завершить теоретическую постановку рассматриваемой в данном разделе задачи и перейти к анализу структуры миграционных модальностей.

Аристотелевская оппозиция «экономика – хрематистика» и симулятивные потребности

Переход к **ноономике** предполагает пересмотр исходных основ экономической рациональности, включая способы интерпретации потребностей и механизмы их удовлетворения. В таком рассуждении обращение к классическим философским дихотомиям приобретает эвристическое значение для диагностики кризисных процессов и для прояснения путей выхода из цивилизационного тупика.

Аристотелевская оппозиция «экономика» – «хрематистика» высвечивает самый смысл нынешней кризисной динамики [Конотопов, 2008]. Противопоставив удовлетворению реальных потребностей «экос номос», т.е. порядок, уклад обеспечения «экоса» или реально необходимого для сообщества, тем самым обозначив это категорией «предел», другой тип отношений, когда удовлетворение потребностей не ограничивается таким пределом (он это обозначил как «хрематистика»), великий философ древности дал нам ясное представление о возможных путях развития общества.

Принципиальный момент состоит в том, что *хрематистика*, по мере развития постепенно подменяя экономику, даже в современном обществе не вытеснила экономику полностью, а «встроилась» в нее, образовав внутренне противоречивую конфигурацию, где удовлетворение *витальных, симулятивных и сверхсимулятивных* потребностей сосуществует в едином воспроизводственном процессе. И речь здесь идет не о количественном росте иррационального потребления, а о *структурном смещении* разнородных мотиваций и типов потребностей, неразличение которых усиливает кризисные эффекты современной позднекапиталистической динамики и затрудняет продвижение по траектории **нооперехода** [Бодрунов, 2022].

В условиях финансиализированной экономики *инфляция симулятивных потребностей* размыкает границы разумного потребления и ведет к состоянию (которое есть не что иное, как «**беспредел**») неразрешимого противоречия с объективной предельностью ресурсов планеты, экологическими ограничениями биосферы и т.д. *Симулятивные потребности* трактуются как иллюзорные и фальшивые формы спроса, поддерживаемые рыночной системой ради расширения сбыта, что углубляет разрыв между реальными возможностями общества и хищническим воспроизводством капитала [Квинт, Бодрунов, 2021].

Когда смещение *витальных и симулятивных потребностей* становится устойчивой характеристикой воспроизводства, проблема выходит за пределы индивидуального потребления и приобретает институциональное измерение. Возникает вопрос о том, какие механизмы способны удерживать *предел* и поддерживать *ноокритериальную ориентацию* в масштабах межстрановой кооперации. С этой позиции обсуждение проблем *интеграции* (межстрановой, локальной, региональной) выступает продолжением данной темы и рассматривается не как самоцель, не как механическое «сращивание» рынков, а как *способ согласования целей развития, режимов воспроизводства и ценностных ограничителей* на фоне глобальной турбулентности. Исследования показывают, что классические модели *интеграции*, ориентированные преимущественно на экономическое сращивание, не обеспечивают долгосрочной устойчивости, что актуализирует разработку альтернативных подходов, опирающихся на **теорию ноономики** и концепцию **глобального нооперехода** [Бодрунов, Архипова, 2024]. Данный вопрос приобретает особую значимость для геополитических объединений, ориентированных на создание справедливого многополярного миропорядка. В рамках *нооподхода* вводится понятие **нооинтеграции**, раскрываются ее стадии и связь с атрибутами **нооперехода**, а также раскрываются преимущества данной модели для гармоничного соразвития евразийского пространства и стран БРИКС по сравнению с интеграционными схемами, основанными на неолиберальном подходе и рыночном фундаментализме [Архипова, 2023].

Переход к *критериальной базе ноономики* вводит *ноокритериальные ограничители*, синхронизирующие реальный спрос с возможностями его удовлетворения в техносфере будущих укладов.

Однако, согласно теории ноономики, системный ноопереход опирается не только на технологии.

Его движет группа факторов, названных в теории ноономики **квадригой ноономики** (рис. 2) [Бодрунов, 2021]:

1. *Научно-технический прогресс*;
2. «Диффузия собственности» и «уход от собственности» в пользу шеринг-практик и ассоциативного формата производства и потребления;
3. *Социализация общественных отношений с развитием ноокачеств человека*;
4. *Солидаризм* как идеология и практика синергетического взаимодействия в процессах общественного развития.

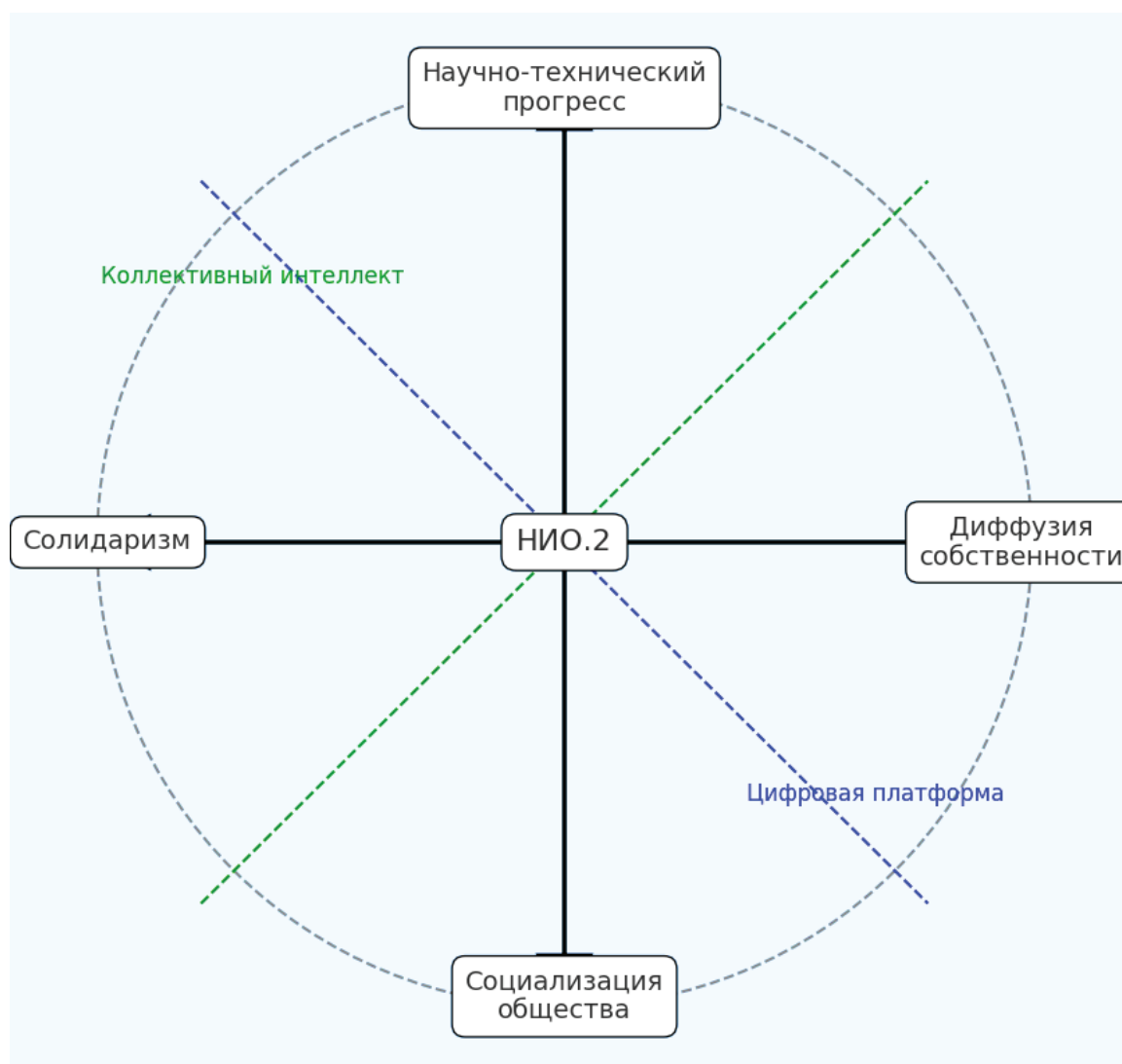

Рис. 2. «Квадрига ноономики» – силовое поле трансформации институтов и мотивации труда

Равнодействующая этих векторов создает, можно сказать, **силовое поле**, выводящее общество за пределы чисто рыночной рациональности и формирует искомую ноокритериаль-

ную ценностную базу, в центре которой – *согласование истинных потребностей с реальными возможностями их удовлетворения* в разумных пределах с учетом интересов всех элементов системы. При этом все факторы связаны. В частности, *солидаризм* в интерпретации теории ноономики понимается не как декоративный лозунг, а как **системный эффект синергии**. Он усиливает совокупный ресурс и снижает издержки конфликтности. По мере усложнения технологий и роста взаимозависимости потребность в согласовании интересов возрастает. Это неизбежно и объективно ведет к расширению **ассоциативных практик** в экономике, нормах социального поведения, формированию практик и осознания необходимости **коллективного пользования** ресурсами. Отметим, что этот фактор мы наблюдаем все более зримо.

Нарастающая взаимосвязь экономик и ценностный сдвиг в сторону **солидаристских моделей** проявляются, к примеру, в новых интеграционных связках в формирующемся многополярном мире: БРИКС; Евразийские форматы; Инициативы «Единой судьбы человечества»; Региональные сети кооперации знаний; Коллективистские практики Латинской Америки (такие как экономика солидарности). Эти практики служат *«зародышами» мирохозяйственных нооструктур* НИО.2 как «скелет» нооперехода, связанных с глобальным **ноопереходом**. Практическое сближение стран, ориентированных на принципы равноправия, открытости, инклюзивности и совместного стратегического развития, резонирует с ноономической логикой и четко подтверждает постулируемые эффекты и действие «квадриги ноономики».

Интегральный мирохозяйственный уклад выступает не просто технологическим базисом, но и пространством для формирования *многополярных нооинтеграций* – сетевых объединений, в которых государства и регионы объединяют усилия на принципах солидаризма, совместного доступа к знаниям и *ноокритериальной кооперации*.

Обратим внимание также на то, что начавшийся ноопереход требует **переопределения глобальных целей развития**. *Техносфера*, которая сейчас фактически довлеет над социумом, должна стать *подчиненной социуму*. При движении к ноопроизводству формируется **новая рациональность**, где приоритет отдается *человеческому развитию*; происходит *перенастройка образовательных систем, городской инфраструктуры, индустриальной политики, инструментов доступа к знаниям и т.д.*

Именно в этом процессе мы снижаем накал конфликтности хрематистического роста; происходит формирование канала *гармонизации* развития различных территорий, стран, этносов – и цивилизации в целом.

Миграционные сигналы нооперехода: переход от репродуктивной занятости к знаниеемкому и творческому труду

Переход к **ноономике** требует переосмысления целей развития и инструментов модернизации. **Техносфера** должна соотноситься с социальными и духовно-ценностными запросами сообщества, а не навязывать технократическую волю. В условиях **нооперехода** задается принципиально иной модус рациональности – *рациональность согласования реальных потребностей с возможностями их удовлетворения* в разумных и этически обоснованных пределах, что противостоит *хрематистической безмерности*, присущей капиталистическому воспроизводству. Здесь разворачивается конфликт двух несовместимых парадигм: *бездумная экспансия ради экспансии* – и *осознанное развитие ради человека*.

Стратегии модернизации целесообразно соотносить с *ноокритериальными интересами* индивидов и сообществ. В практическом выражении требуется системная перенастройка:

- образовательных систем – на формирование *интегрированных компетенций* и *креативных практик*, на воспроизводство *творческого потенциала* личности, а не на узкопрофильную подготовку «человеческого капитала» для рынка;
- городской (урбанистической), пространственной и региональной политики – на развитие *креативных кластеров* и инфраструктуры совместной работы, поддерживающих *пространственную концентрацию знаниеемкой деятельности*;
- институциональных механизмов – на *диффузию собственности*, расширение *шеринговых практик* и развитие социальных ассоциаций, которые порождают и развивают *постэкономические* формы распоряжения благами.

Этот пакет перенастроечных элементов снижает напряжение *хрематистического роста* и открывает возможности гармонизации территориального развития при формировании **многополярного ноомира**.

Целенаправленное волевое усилие ключевых акторов – государства, научных сообществ и гражданских ассоциаций – задает *управляемость* процесса и направляет трансформацию к **ноономическим горизонтам**, а не к стихийному дрейфу под воздействием рыночной конъюнктуры.

Результаты региональных исследований технологической трансформации показывают, что сдвиг к экономике знаний непосредственно проецируется на миграционные процессы, поскольку индустриальные регионы с нарастающей *знаниеемкостью производства* начинают выступать «центрами притяжения» для носителей сложных компетенций, одновременно вытесняя *репродуктивные* формы занятости на периферию воспроизводственных связей [Артемова, 2025]. Миграция становится индикатором кристаллизации **точек нооперехода**, концентрации ресурсов **знания**, где возникает среда, благоприятствующая *творческой реализации*, а институциональная архитектура и культурная атмосфера создают условия для *ноопрактик*.

Человек в ноопереходе

Особую роль в процессе нооперехода играет **человек**.

В свое время К. Маркс включил в рамках экономических отношений человеческий «**труд**» как элемент *производительных сил*. Именно «**труд**», по его мнению, создает *прибавочную стоимость*, присвоение которой как результат труда выступает целью производства и порождает, совместно с другими факторами, социальные эффекты – в т.ч. и их негативные формы (*неравенство, эксплуатацию, бедность, ограничения развития личности* и т.д.).

Мы, не возражая против этой политэкономической парадигмы, полагаем, однако, что с развитием научно-технического прогресса, технологий, повышением *знаниеемкости общественного производства* характер труда человека претерпевает принципиальную трансформацию – «**труд**» также становится все более *знаниеемким* и, что важно, соответственно, все более *творческим*, постепенно выходя из «**производительных сил**» в традиционном понимании.

Возникает фигура *знаниеемкого работника*, у которого «емкость знания» как объем усвоенных знаний и способность применять их в производстве существенно превосходит уровень «обычного» работника, а рост доли и роли **знания** охватывает как переменный, так и постоянный капитал, что сопровождается снижением роли труда как такового, прежде

всего физического, и одновременным ростом *знаниеемкости продукта, постоянного капитала* и самого работника [Бодрунов, 2022].

Сосредоточимся далее на связи **ароморфоза труда** с проблемой миграции.

Происходящее качественное «поднятие формы» категории «*труд*» С.Д. Бодрунов именует **ароморфозом труда** [Бодрунов, 2025b]. Это – прогрессивное эволюционное усложнение его организации и функций по мере роста *знаниеемкости*.

Переход к ноономическим формам развития осуществляется в *точках кристаллизации*.

Здесь для анализа предлагаем воспользоваться философскими понятиями теории ноономики – «**риднесс**» и «**пенетрация**».

В точках кристаллизации одновременно совпадают кадровая и институциональная «*риднесс*»-готовность принять новые, более *знаниеемкие* формы труда, и высокий *пенетрационный (проникающий) потенциал* наличествующих технологий. Именно в таких точках формируются **миграционные сигналы**: приток квалифицированных кадров в регионы-хабы и отток из более репродуктивных зон труда. На рис. 3 показана структура миграционных потоков.

Рис. 3. Структура миграционных потоков от репродуктивных зон к хабам знаниеемкой деятельности

В таких перемещениях различим не только экономический расчет, но и смена «вектора смысла», когда человек следует за возможностью участия в *созидании*, а не за простым воспроизводством заданных операций. Мы отчетливо наблюдаем картину: рост *знаниеемкости* производства усиливает *творческую компоненту труда: без знания нет творения(!)*, а расширение доступа к знаниям множит пространство возможных замыслов, ментальных

объектов (концепт «ментального объекта» разработан А. Фриманом; его интерпретация в рамках ноономики предложена С.Д. Бодруновым) [Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022; Фриман, 2021; Фриман, 2023].

Для анализа эволюции категории «труд» и сопряженных с ней миграционных процессов целесообразно зафиксировать четыре взаимосвязанных элемента трансформации.

Опыт *креативных индустрий* мегаполисов демонстрирует значимость этих условий для запуска **ноо-ориентированных преобразований**.

На рис. 4 отражена прогрессия стадий изменения сущности и функций *труда* в процессе **нооперехода**. Мы выделяем следующие этапы:

1. *Репродуктивная занятость* – рутинные операции, физический труд;
2. *Знаниеёмкий труд* – информационная насыщенность, автоматизация процессов и усложнение задач;
3. *Творческий труд* – создание новых решений, проектно-аналитическая деятельность и генерация ментальных продуктов;
4. *Креативные и ментальные формы* – «культурное производство» и работа с ментальными объектами (концепт А. Фримана);
5. «*Освобождение от труда*» – рост свободного времени, переключение мотивации на ноо-ценностные практики и личностное развитие.

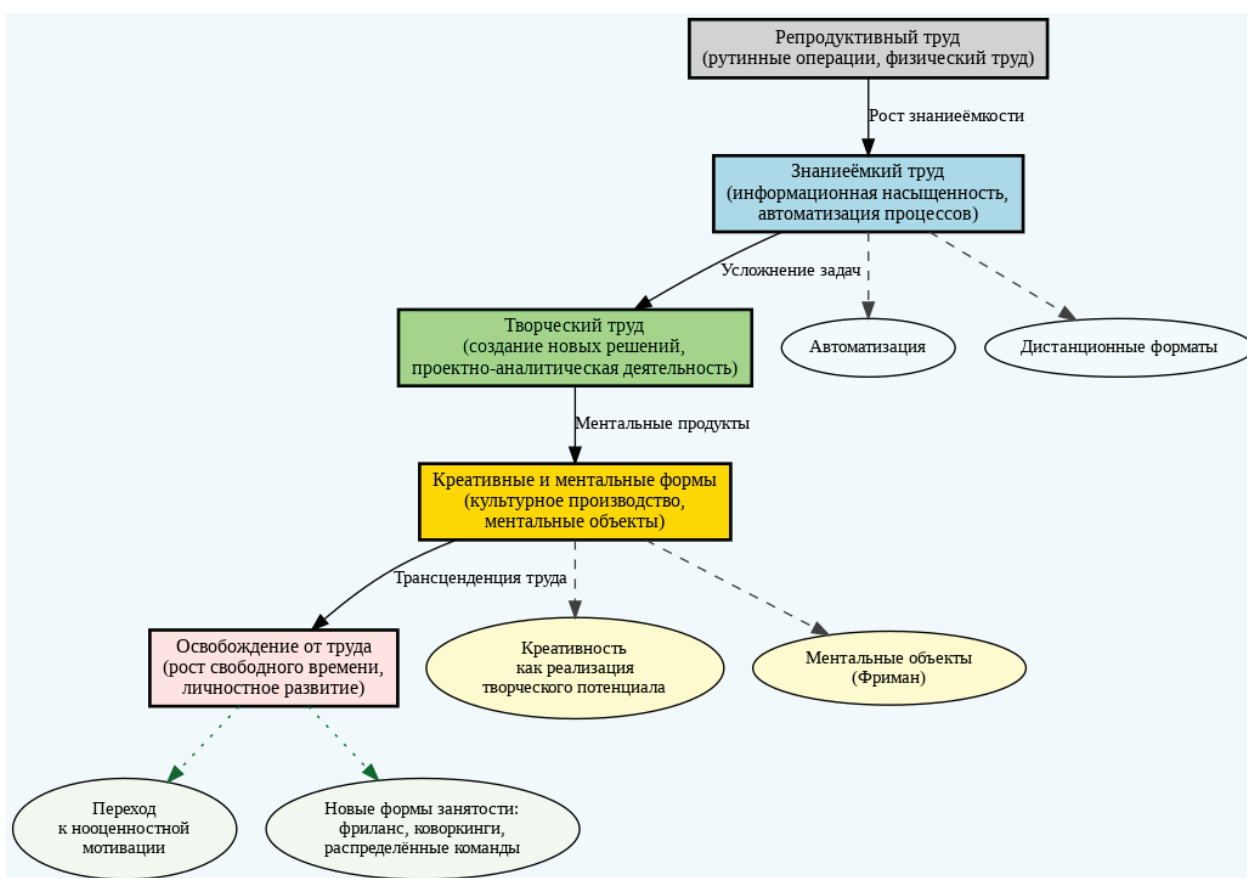

Рис. 4. Трансформация категории «труд» и последовательность переходов от репродуктивных функций к творческим

В горизонте **нооперехода** описанная выше цель взаимосвязанных элементов приобретает системный смысл, поскольку она показывает, каким образом растущая *знаниеёмкость* производства преобразует не только продукт, но и саму структуру человеческой деятельности. Тем самым миграционные перемещения фиксируют не частные колебания рынка труда, а перераспределение носителей **знания** и *знаниеемких компетенций* между «центрами» и «периферией». Рост *знаниеёмкости* и *знаниеинтенсивности* производства неизбежно повышает долю именно *ментальных стадий* в общественном производстве, поскольку без масштабного вовлечения знания и творческого осмысления невозможна генерация ни прорывных технологий, ни устойчивых социальных институций.

Конечная стадия интерпретируется С.Д. Бодруновым как «освобождение от труда» [Бодрунов, 2025b] в традиционном понимании, сопровождаемое расширением зоны свободы субъекта и реализацией *творческого потенциала*. Композиция иллюстрирует нелинейный **ароморфоз** категории *труд* как ядра производственных отношений на грядущей поздней стадии НИО.2, приближающей общественное производство к **ноономике** (взамен существующей сегодня «хрематистики», присваивающей себе комфортное название «экономика»). Подчеркнем, что ароморфоз труда становится драйвером нооперехода, и именно понимание этого требует от глобального общества целенаправленной поддержки соответствующих пространственных и институциональных инфраструктур.

На этом фоне миграционные процессы приобретают *двойственную структуру* (табл. 2). Первая линия – **традиционная пространственная миграция**, движимая поиском лучшей экономической загрузки и условий применения новых навыков; вторая – **функциональная миграция**, выражающаяся в уходе из репродуктивных форм занятости в знаниеемкие и творческие сферы, где мотивацию саморазвития дополняют (и нередко усиливают) экономические стимулы.

Таблица 2
Две модальности трудовой миграции при переходе от репродуктивной занятости к творческому труду

Вид миграции	Основной мотив	Характер перемещений	Доминирующая трудовая деятельность	Степень выраженности в различных типах регионов
Пространственная миграция (традиционная)	Экономические условия, максимизация дохода и загрузки навыков	Из регионов с низкой экономической активностью и ограниченными возможностями в регионы с повышенным спросом	Преимущественно репродуктивный, частично знаниеемкий	Высока в регионах с выраженной асимметрией экономического развития
Функциональная миграция (новая)	Личностный рост, саморазвитие, вовлечение в творческие практики	От репродуктивной занятости к творческой и знаниеемкой деятельности	Преимущественно творческий, креативный, с созданием ментальных объектов	Высока в регионах с развитой креативной инфраструктурой (крупные города, технопарки, хабы)

Мы предполагаем, что миграционные потоки выступают, в числе других, определенным эмпирическим индикатором глубины нооперехода. Усиление **пространственной миграции** отражает готовность территорий к восприятию знаниеемких индустрий и рост пене-трационного потенциала технологий на рынках труда.

Одновременно нарастание **функциональной миграции** фиксирует волевое решение людей (кадров) покинуть репродуктивные формы занятости в пользу творческих и креа-тивных практик. Сочетание динамики обеих модальностей миграции позволяет зачастую не только качественно, но и количественно оценить темпы и направление продвижения этапов нооперехода от НИО.2 к ноономике, и служит сигналом готовности социальных и институциональных структур к следующему качественному скачку.

В качестве обобщения приведенных сигналов миграции обратимся к табл. 3, где структурированы типы потоков, их драйверы и пространственно-функциональные взаимосвязи.

Таблица 3

Типология миграционных сигналов в процессе нооперехода

Сигнал	Тип	Описание	Драйверы	Эффект
Приток в регионы-хабы	Пространственный	Перемещение специали-стов в крупные кластеры с развитой креативной и научно-технической ин-фраструктурой	Высокая зна-ниеемкость; централизация инвестиций	Укрепление техно-логических цен-тров
Отток из ре-продуктивных зон	Пространственный	Убыль кадров из терри-торий с низким уровнем инноваций и автомати-зации	Снижение рутинных опе-раций; отсут-ствие возмож-ностей	Рост регионально-го неравенства
Переход в но-вые сферы	Функциональ-ный	Смена рода деятельности с репродуктивных задач на знаниеемкие и творче-ские функции	Доступ к обра-зованию; раз-витие цифро-вых платформ	Расширение про-фессионального портфеля
Возврат к род-ным регионам	Пространственный	Обратная миграция при появлении «точек кри-сталлизации» на перифе-рии	Создание ло-кальных хабов; льготные усло-вия	Диверсификация инновационной географии
Внутренняя мобильность	Функциональ-ный	Перемещение между проектами и командами внутри компаний	Гибкие ком-петенции; фриланс-плат-формы	Усиление междис-циплинарного вза-имодействия

Заключение

В ходе исследования показано, что трудовая миграция может рассматриваться как «пульс» **нооперехода**, поскольку через нее проступает не «арифметика перемещений», а перестройка самой политэкономической категории «труд». Там, где материальные операции во все большей степени передаются автономным **техносистемам**, движение людей приобретает двойную семантику. Оно одновременно выявляет пространства притяжения **знания** и демонстрирует функциональный сдвиг от *репродуктивной занятости* к *знаниеемкому и творческому труду*.

В результате миграционные сигналы выступают наблюдаемым «языком» **ароморфоза труда**, позволяя различать зоны инерции и зоны ускорения на траектории **НИО.2**.

Расширение доступа к знаниям множит пространство возможных замыслов и, в терминах профессора А. Фримана, *ментальных объектов* – и последующей материализации новаций. Напомним, *марксисты* прошлого столетия подчеркивали, что истинная свобода – это творчество, а *романтики*, дабы не противоречить христианству и догматикам, утверждавшим, что творить может только Творец, Бог, видели в творчестве «одержимость Богом».

Автоматизация и цифровизация, технологии ИИ и аналогичные им инструменты выводят из сферы человеческого участия значительный массив рутинных операций. Это стимулирует переход **от фиксированных профессий** (в т.ч. с привязкой к конкретным местам их реализации) к динамическим **компетенциям и гибридным форматам занятости** – фрилансу, удаленной кооперации и распределенным командам. Высвобождаемое время расширяет зону индивидуального выбора и шаг за шагом приближает практики частичного «освобождения от труда» в ценностном измерении свободы.

Все перечисленные структурные и ценностные сдвиги воздействуют на категорию «труд». На этапе **НИО.2** фиксируется переход к **знаниеемкому и знаниеинтенсивному** производству. Растет роль человеческого интеллекта и компетенций.

Из этого мы делаем следующие выводы:

1. Миграционные потоки выступают эмпирическим индикатором **ароморфоза категории «труд»**.

2. **Пространственная миграция** отражает перераспределение кадров в «точках кристаллизации», где сформированы условия для внедрения знаниеемких технологий. Это подтверждает усложнение трудовой организации и рост роли компетенций.

3. **Функциональная миграция** фиксирует переход работников из репродуктивных сфер в творческие и креативные индустрии. Это свидетельствует об *эволюции содержания труда* под влиянием знания как ведущего ресурса.

Комбинация притока и оттока кадров по пространственным и функциональным направлениям в полной мере отражает прогрессивный «*подъем формы*» трудовой деятельности в процессе нооперехода. Эта эволюция порождает **двойственную конфигурацию миграционных потоков**. При этом пространственная миграция следует за спросом на навыки, а функциональная миграция отражает переход от репродуктивных операций к творческим индустриям.

Общественная трансформация, описываемая теорией ноономики как протяженный **ноопереход**, приводит к изменению сферы трудовой деятельности, схем ее организации и социальных форматов реализации. *Усиление знаниеемкости и знаниеинтенсивности* производительных сил постепенно смещает центр тяжести занятости от *механистических (в любой сфере и отрасли) репродуктивных операций* к *креативным функциям* и переакцентуированию на *ментальные стадии*. Именно так формируются **новые конфигурации занятости**, где ключевую роль играют две взаимосвязанные линии **миграции** и спектр **платформенных и инфраструктурных практик** – фриланс, удаленная работа, коворкинги, технологические хабы и распределенные команды.

Миграция в контексте нооперехода приобретает *двойственный характер* и выступает как индикатор *эволюции политэкономической категории «труд»*.

Одновременное усиление обоих векторов сигнализирует об углублении ароморфоза труда и поступательном продвижении от *НИО.2* к ноономике.

Нами предложен контур наблюдения, ориентированный на улавливание «смысла движения», а не только его масштаба. Необходим отдельный учет *пространственных перемещений* и *функциональных переходов* с их привязкой к «**точкам кристаллизации**», где совмещаются *риджесс* как готовность среды и *пенетрация* как глубина укоренения технологий и институтов. Такой инструментарий позволяет перейти от общего рассуждения к проверяемым построениям в базовом вопросе – какие условия поддерживают рост *знаниеемкого работника* и расширение *творческих* стадий производства, а какие воспроизводят зависимость от *репродуктивных* режимов труда.

Список источников

- Артёмова О.В. (2025). Технологическая трансформация индустриальных регионов РФ и экономика знаний. Научные труды Вольного экономического общества России, 1(251), 263–286. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-251-1-263-286.
- Архипова В.В. (2023). Интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход и развитие евразийского пространства. Экономическое возрождение России, 1(75), 35–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49.
- Бодрунов С.Д. (2016). К новому качеству материального производства: будущее России в евразийском пространстве. Экономическое возрождение России, 3(49), 118–123.
- Бодрунов С.Д. (2017). Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция. 424 с.
- Бодрунов С.Д. (2021). Генезис ноономики. НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Экономическое возрождение России, 1(67), 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14.
- Бодрунов С.Д. (2022). Коллоквиум Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему «Генезис ноономики. Качественные изменения в общественном производстве в процессе продвижения общества к ноономике – диффузия собственности (критическое сопоставление позиций классической политэкономии и неоклассических взглядов)». Стенограмма (03.01.2021 г.). В кн. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий ИНИР им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества). Сборник научных трудов. Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. VI, 297–313.
- Бодрунов С.Д. (2024). Путь к ноономике: магистральное направление глобального развития // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, 1(3), 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20.
- Бодрунов С.Д. (2025a). Теория ноономики и некоторые аспекты философских и политэкономических категорий «труд», «свобода», «творчество». Вопросы политической экономики, 4(44), 26–35. DOI: 10.5281/zenodo.18278342.
- Бодрунов С.Д. (2025b). Ароморфоз категории «труд» в рамках глобальной трансформации общества: знание, творчество, ноономика. Экономическое возрождение России, 2(84), 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20.

- Бодрунов С.Д. (2025с). Ноономика как парадигма глобального развития. Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, 4(2), 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д., Архипова В.В. (2024). Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация. Экономическое возрождение России, 4(82), 5–18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.
- Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 340 с.
- Бодрунов С.Д., Десаи Р., Фриман А. (2022). По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 368 с.
- Бодрунов С.Д., Шабунова А.А., Бабич Л.В., Леонидова Г.В. (2025). Творческий потенциал населения – ключевой фактор перехода к ноономике. Экономическое возрождение России, 3(85), 5–25. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25.
- Вернадский В.И. (1989). Биосфера и ноосфера. М.: Наука. 265 с.
- Глазьев С.Ю. (2022). Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов. Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, 1(1), 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64.
- Гречко М.В., Плешивцева А.А. (2025). Роль культурного фактора при ноопереходе к ноономике. Гуманитарий Юга России, 14(5), 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4.
- Гринберг Р.С. (2016). Умным фабрикам нужны умные люди и умная экономика. Экономическое возрождение России, 4(50), 154–157.
- Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 351 с.
- Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. (2024). Трансформация общества. Стратегия и ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 240 с.
- Конотопов М.В. (2008). Экономическая история мира. Том 1. М.: КноРус. 496 с.
- Плетнёв Д.А. (2024). Ноономика как целостная картина желаемого будущего. Вестник Челябинского государственного университета, 12(494), 5–6. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-5-6.
- Стасев М.А., Гречко М.В., Тюлина З.Н. (2025). Влияние культурного фактора на динамику трансформации потребностей при переходе к (пост)капитализму и ноономике. Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики), 16(3), 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076.
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики. В кн. С. Д. Бодрунов (ред.). А(О)нтология ноономики: четвёртая технологическая революция и её экономические, социальные и гуманитарные последствия. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 207–265.
- Фриман А. (2023). Творчество и труд в системе координат ментальной экономики. Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, 1(2), 13–24.
- Яковлева Н.Г. (2020). Некоторые вопросы трансформации сферы образования и рынка труда, и их государственного регулирования. Уровень жизни населения регионов России, 2(16), 76–82.

- Яковлева Н.Г. (2024). От «человеческого капитала» к человеческому потенциалу: на пути к ноономике. Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте, 3(4), 32–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42.
- Galbraith J.K. (1967). *The New Industrial State*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Marx K. (1857–1858/1973). *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie [Foundations of the Critique of Political Economy]*. Translated by M. Nicolaus. London: Penguin Books / New Left Review. 1973.

References

- Artemova O. V. (2025). Technological Transformation of Industrial Regions of the Russian Federation and the Knowledge Economy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 251. No. 1. Pp. 263–286. DOI: 10.38197/2072-2060-2025-251-1-263-286 (In Russ.).
- Arkhipova V. V. (2023). Integration Processes in the World Economy: Noo-Approach and the Development of the Eurasian Space. *Economic Revival of Russia*. Vol. 75. No. 1. Pp. 35–49. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2016). Toward a New Quality of Material Production: Russia’s Future in the Eurasian Space. *Economic Revival of Russia*. Vol. 49. No. 3. Pp. 118–123. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). *Noonomy*. Moscow.: Kul’turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2021). The Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Property, Socialization of Society, Solidarism. *Economic Revival of Russia*. Vol. 67. No. 1. Pp. 5–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). Colloquium of the S. Y. Witte Institute of New Industrial Development (INID) on the Topic “The Genesis of Noonomy: Qualitative Changes in Social Production in the Process of Society’s Advancement toward Noonomy – Diffusion of Property (A Critical Comparison of Classical Political Economy and Neoclassical Views)”. Verbatim Record (03.01.2021). In: *New Industrial Society: Origins, Reality, Prospects. Noonomy*. Selected Materials of Seminars, Publications, and Events of the S. Y. Witte INID on the Concept of the New Industrial Society of the Second Generation and Noo-Industrial Development. Collected Scientific Works; S. D. Bodrunov (Ed.). St. Petersburg: S. Y. Witte INID. Vol. 6. Pp. 297–313 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). A Path to Noonomy: The Main Direction for Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–20. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025a). Noonomy and Some Aspects of the Philosophical and Political Economy categories “Labor”, “Freedom” and “Creativity”. *Problems in Political Economy*. Vol. 44. No. 4. Pp. 26–35. DOI: 10.5281/zenodo.18278342 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025b). Aromorphosis of the Category “Labor” within the Framework of Global Societal Transformation: Knowledge, Creativity, Noonomy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 84. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-5-20 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2025c). Noonomy as a Paradigm of Global Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 4. No. 2. Pp. 13–33. DOI: 10.37930/2782-618X-2025-4-2-13-33 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (Ed.). (2017). *Galbraith: The Return*. Moscow: Cultural Revolution. 424 p. (In Russ.).

- Bodrunov S. D., Arkhipova V. V. (2024). Building Noo-Integration on the Example of BRICS: Theory and Practical Implementation. *Economic Revival of Russia*. Vol. 82. No. 4. Pp. 5–18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18 (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Desai R., Freeman A. (2022). *Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 368 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023). *Patterns of Formation of the Foundations of Noonomy as the Future Social Order: To Know and to Act*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 340 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Shabunova A. A., Babich L. V., Leonidova G. V. (2025). Creative Potential of the Population as a Key Factor in the Transition to Noonomy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 85. No. 3. Pp. 5–25. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-3-85-5-25 (In Russ.).
- Freeman A. (2021). Mental Objects as a Productive Force: Toward a Critique of Noonomy. In: *Anthology of Noonomy: The Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social, and Humanitarian Consequences*; S. D. Bodrunov (Ed.). St. Petersburg: S. Y. Witte INID. Pp. 207–265 (In Russ.).
- Freeman A. (2023). Creativity and Labor within the Coordinate System of the Mental Economy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 2. Pp. 13–24 (In Russ.).
- Galbraith J. K. (1967). *The New Industrial State*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Glazyev S. Y. (2022). Noonomy as the Core of the Formation of a New Technological and World Economic Order. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64 (In Russ.).
- Grechko M. V., Pleshivtseva A. A. (2025). The Role of the Cultural Factor in the Noo-Transition to Noonomy. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 14. No. 5. Pp. 61–76. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.4 (In Russ.).
- Grinberg R. S. (2016). Smart Factories Require Smart People and a Smart Economy. *Economic Revival of Russia*. Vol. 50. No. 4. Pp. 154–157. (In Russ.).
- Konotopov M. V. (2008). *Economic History of the World*. Vol. 1. Moscow: KnoRus. 496 p. (In Russ.).
- Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021). *Strategizing the Transformation of Society: Knowledge, Technologies, Noonomy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 351 p. (In Russ.).
- Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2024). *Transformation of Society: Strategy and Noonomy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID. 240 p. (In Russ.).
- Marx K. (1857–1858/1973). *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie* [Foundations of the Critique of Political Economy]. Translated by M. Nicolaus. London: Penguin Books / New Left Review. 1973.
- Pletnev D. A. (2024). Noonomy as a Holistic Vision of the Desired Future. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. Vol. 494. No. 12. Pp. 5–6. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-5-6 (In Russ.).
- Stasev M. A., Grechko M. V., Tyulina Z. N. (2025). The Influence of the Cultural Factor on the Dynamics of Needs Transformation in the Transition to (Post-)Capitalism and Noonomy. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 16. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.3.065-076 (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (1989). *The Biosphere and the Noosphere*. Moscow: Nauka. 265 p. (In Russ.).
- Yakovleva N. G. (2020). Selected Issues of Transformation of the Education System and Labour Market and Their State Regulation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 16. No. 2. Pp. 76–82 (In Russ.).

- Yakovleva N. G. (2024). From “Human Capital” to Human Potential: On the Path toward Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 32–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-32-42 (In Russ.).
- Galbraith J.K. (1967). *The New Industrial State*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Marx K. (1857–1858/1973). *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie* [Foundations of the Critique of Political Economy]. Translated by M. Nicolaus. London: Penguin Books / New Left Review. 1973.

Информация об авторах

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Дмитриев Николай Дмитриевич

Доцент Высшей инженерно-экономической школы, Заведующий лабораторией «Моделирование и цифровизация социально-экономических систем» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат экономических наук (195251, РФ, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29), Заместитель директора по научно-методической работе Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16).

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Director of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Free Economic Society (VEO) of Russia, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor (16 Bol'shaya Monetnaya ul., St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru

Nikolay D. Dmitriev

Associate Professor, Graduate School of Industrial Economics, Head of the Laboratory “Modeling and Digitalization of Socio-Economic Systems”, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Politekhnicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia), Deputy Director for Research and Methodology, S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bol'shaya Monetnaya ul., St. Petersburg, 197101, Russia).

E-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru